

ВООБРАЖЕНИЕ – «ТРЕТИЙ ГЛАЗ КУЛЬТУРЫ»

С опорой на концепцию Э.В. Ильенкова анализируются функции воображения в возникновении и развитии специфически «человеческого в человеке» – как личности, творящей и творчески осваивающей мир культуры. Прослеживается связь воображения с мышлением и самосознанием в их принадлежности личности. Автор иллюстрирует свои выводы на материале из области истории культуры, художественного и научного творчества, детского развития.

Ключевые слова: воображение, культура, личность, мышление, самосознание, Э.В. Ильенков.

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

Существует множество определений культуры, которые во многом дополняют друг друга. Буду исходить из того, что предложил Э.В. Ильенков¹ (перефразирую и беру на себя смелость чуть дополнить, ручаясь за сохранность смысла): культура – это то, что люди *создают друг для друга*, и потому – их *объединяет* в пространстве и времени. То, что имеет для них *значение*, делая *небезразличными* друг другу, даже если они не только незнакомы, но даже и не подозревают о существовании друг друга. Люди, которые пользуются ложкой, вилок и ножом и уже не могут принимать пищу иначе, – это «один круг» людей, пусть даже они бесконечно непохожи друг на друга.

Как-то в Японии со мной произошла забавная ситуация. Я сел за компьютер с японизированным «Word», смело щелкаю по меню, где все на иероглифах, – японские коллеги шутят: «Как ты хорошо знаешь японский!» «Word» – ведь тоже своего рода разновидность «эсперанто культуры». И Интернет, и даже в некоторой степени «Макдональдс», как и все мировые сетевые бренды (особая культура питания, отношений и т. п.).

Отец Павел Флоренский называл культуру «языком, объединяющим человечество». Культура – от домашней бытовой до ми-

ровой художественной – это созидающая и объединяющая сила, благодаря которой люди «узнают» друг друга и осознают свою принадлежность к человеческому сообществу, постигая нечто главное в себе самих. А овладевая ею, сами научаются созидать и этим объединять других. Кстати, человека, способного к такому всеобъединяющему творчеству, Ильенков называл *личностью*. Что опять же не расходится с формулировкой Флоренского: «Культура – это среда, растящая и питающая личность».

В одной из своих лекций по общей психологии, прочитанных на психфаке МГУ в начале 1980-х годов, В.В. Давыдов² иллюстрировал работу воображения. Чашка, говорил он – это, по сути своей, «черпающая рука», перенесенная в материал. Правда, тогда он делал оговорку: фантазировать, воображать – еще не творить. Творчество предполагает «воображение, постигающее мышление и личность». А быть личностью – значит «принять общественные заботы на себя» (в этом, как говорилось, состоит и позиция Э.В. Ильенкова). Но в 1996 г. в книге «Теория развивающего обучения» Давыдов³ уже прямо связывает воображение с личностью, а его развитие с ее «ростом». Это неслучайно.

Чашка, ложка, нож, вилка – это не только образ черпающей руки. Это, как уже говорилось, «образ» культурных людей, сидящихся культурных людей, которые не рвут пищу руками и зубами... Я сервирую стол и как бы «вижу» их рассаживающимися, хотя они еще не пришли. И научиться пользоваться ими ребенок не сможет, не прилагая для этого «силы воображения». Без учета того, что рядом другой. А потом, когда другого нет, – ты сам как «культурный человек». Именно поэтому с овладением ложки проблем ничуть не меньше, чем с ее изобретением, как это показано в работах П.Я. Гальперина и Э.В. Ильенков (см. наш анализ⁴).

Культура всегда поначалу творится в «личной форме». Александр Сергеевич Пушкин пишет, адресуясь только к Анне Петровне Керн: «Я помню чудное мгновение...». Это их интимное, только им двоим принадлежащее мгновение. Но Александр Сергеевич, пишущий эти строки, – уже знаменитый поэт. И он, конечно, знает о том, что «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Уже в момент своей сокровенной адресации любимой женщине он вполне допускает, что строчки, продиктованные сердцем, когда-нибудь наберет наборщик, совершенно чужой человек. И прочитают совершенно чужие люди. Включая школяров, которым это когда-нибудь предстоит, увы, зазубривать... Но вот издаются стихи, и самые разные читательницы, живущие в разных исторических временах и культурах, где прочитать «оторванное от сердца» можно только в переводе, находят в них личное обращение к себе.

Возможно, в нем им предстает даже не автор, а просто возлюбленный – реальный или воображаемый. И каждая из них через поэтические строки осознает, что возлюбленный хотел сказать ей, да так и остался непонятым до конца. А поэт «договорил» за него. Об этих «историях чувств» поэт подозревать не может⁵.

Искусство – это эмоция одного человека, подаренная всему человечеству. А наука (часть культуры) – точно такая же «подарочная» мысль. В таком творческом дарении – *обращении*, как писал Ф.Т. Михайлов⁶, – и скрыт механизм жизни культуры, ее передачи и развития в истории. И «дарители» культуры – не только авторы великих произведений.

В целях введения понятия «точка» на уроках математики в первом классе по программе «Школа диалога культур» педагог С.Ю. Курганов⁷ использовал простое задание, которым решил воспользоваться и я, вынеся его за рамки математического содержания и слегка видоизменив. В разных странах я предлагал детям (старшим дошкольникам – на физкультурных занятиях в рамках программы развивающего образования «Тропинки»⁸) и взрослым (студентам – во время лекции) собраться в одном месте, но так, чтобы это было выполнено быстро и слаженно, а со стороны выглядело красиво. Студенты, видимо, «западая» на это последнее слово, объединялись в пары и бесшумно подтанцовывали друг к другу. Подтанцовывать получалось, а собраться – нет. Впрочем, в массе студенты мало отличались от дошкольников: толкаясь и шумя, пытались хаотично сбиваться в кучи. Но среди тех и других (среди детей – чаще!) находились единицы, кто предлагал вначале пометить место сбора (положить игрушку, сумку и т. п.), а затем спокойно, без суеты собраться вокруг него.

Очевидно, что единицы и большинство решали разные задачи. Большинство – задачу на *выполнение действия*, единицы – на *координацию действий*. Не на исполнение, а на управление. Хитрость здесь в том, что решить первую можно только через решение второй. «Собраться вместе» – требование непосильное для одного человека, если каждый будет решать задачу «исполнительным» способом. Но вот кто-то помечает место – «*изобретает*» знак. А знак – типичный «объект», точнее «агент», культуры. Место обозначено игрушкой или сумкой, вокруг него еще никто не собрался, но «исполнительная» задача фактически решена «в общем и целом» – для того чтобы сبلости ее условия, остается только подойти, в чем нет никакой особой задачи.

Тот, кто обозначает место сбора, видит ситуацию глазами всех ее участников, с позиций каждого из них. И не надо подставлять себя на место Маши, Пети, Даши – достаточно положить игрушку.

Тогда и у Маши, и у Пети, и у Даши сразу возникает такой же широкий взгляд на ситуацию. И они смогут увидеть друг друга в этой ситуации. Увидеть себя самих друг в друге. Смотреть на ситуацию с позиций разных людей, в пределе – всего человеческого рода, чтобы скоординировать эти позиции в реальности, позволяет *воображение* – в понимании того же Э.В. Ильенкова (в качестве «универсальной способности», всеобщего свойства сознания, которое предстает таковым уже в «Критике чистого разума» И. Канта⁹).

Это и есть «взгляд глазами культуры». В том числе – и внутри себя: так понятное воображение является не только «психологической основой творчества», по Л.С. Выготскому, но и того, что он называл *произвольностью*.

Воображение – своего рода «третий глаз», «всевидящее око» культуры, при помощи которого человек интегрирует в своей повседневной перцепции миллионы, миллиарды «человеческих взглядов на вещи» в собственный уникальный образ мира, находя в нем место и самому себе.

Альбер Камю афористически сформулировал: «Воля – то же одиночество». Абсолютно верно. Одиночество в том смысле, что твоя индивидуальная воля – продукт подавления чужих волей в тебе. Именно как изолированных волей, которыми ты сам и «волил» за неимением собственной. Они тебя разрывали, а она – собирает. Собирает в «Я» (второе лицо всегда есть, а первое только предстоит обрести). В том числе, из «кусочков» этих волей, на которые ты был растаскан. Собирает свободно, а они остаются и материалом, и инструментом в хозяйских руках. И синтез (не всякий, а трансцендентальный, сказал бы Кант) результируется в этом новом уникальном, уже ни на что не растаскиваемом качестве – «Я». Собраным индивидуальной волей «с фантазией» (не без помощи продуктивного воображения, полноценного соавтора «Я»). Одиночество – это собранность. И тут из-за Камю уже выглядывают Выготский, Ильенков и Михайлов... Ницше (конечно, с витающим Шопенгауэром, куда без него, здесь, во всяком случае) – из-за другого плеча. Но за ним – перерастание «дурного» индивидуализма в абсолютное безличие (его неизбежность осмыслена Э.В. Ильенковым как закономерность еще в 60-е – в цикле статей об «эстетике» и в книге «Об идолах и идеалах»), а за этим – растущая исторически и «биографически» Личность. В кругу таких же Личностей, совсем других *индивидуальностей* – всеобщих, по Гегелю, и свободных, по Марксу. Они «видят все» (и себя во всем) вне привязки к индивидуальной точке зрения, но в любой момент способны ее занять.

Объединяющие людей вопросы Гамлета, которые они задают себе на языке своей эпохи, своей культуры, своей индивидуально-

сти... «Идеи, ставшие аффектом» (Л.С. Выготский) носятся в воздухе истории.

«Кого хоть раз в жизни не тревожили Гамлетовы вопросы?» – пишет в своем психологическом исследовании, в центре которого стоит «Гамлет», Л.С. Выготский¹⁰. Но ведь «свое» нужно осознать как Гамлетово. Порой заново открыть – увидев «дежавю» великое в повседневности действий, мыслей и переживаний. Не для того, чтобы «облагородить» их. Чтобы вытащить это «свое» из их потока – как несущее жизненный смысл, который обронил где-то или не придал чему-то, чтобы бытийный ряд вдруг перестроился в «событийный». Содействия в этом не сыщешь ни у родителей, ни у педагогов, ни у психотерапевтов, ни у духовников. Это – к Шекспиру. И – к самому себе.

Литературный критик Ю.И. Айхенвальд, руководитель дипломной работы Выготского о Гамлете на историко-филологическом факультете Открытого университета Шаняевского, дал замечательную формулу: Гамлет – не на сцене, а в публике¹¹. Позволим уточнить: Гамлет *рассеян* в публике. Но «собрать» в одном зрителе способен (помочь «собраться» зрителю «в Гамлета»), «отсека лишнее», только сценический Гамлет. Только Шекспир.

С друзьями детства перетерлась нить,
Нить Ариадны оказалась схемой.
Я бился над словами «быть, не быть»,
Как над неразрешимой дилеммой.

Но вечно, вечно плещет море бед, –
В него мы стрелы мечем – в сито просо,
Отсеивая призрачный ответ
От вычурного этого вопроса.

В. Высоцкий. Мой Гамлет

Через шекспировскую «школу страстей» прошли миллиарды учеников. Каждый из них воспринимал уроки Шекспира как адресованные лично ему. В том числе – «хрестоматийные».

В подростковом и юношеском возрасте история веронских возлюбленных могла вызывать нечто близкое переживанию влюбленности. Уникальное переживание влюбленности «вообще» и ни к кому в частности. Но чувство уже искало свою Джульетту, которую «узнавало» совсем под другим именем. И, может быть, никогда не узнало бы в ином случае... Но узнало – и ты полюбил, сильнее, чем 40 тысяч братьев. Только каждый из этих 40 тысяч братьев может сказать то же самое. Хотя только 10 тысяч из них читало и смотрело Шекспира.

Просто за 52 года Шекспир узнал главного о нас больше, чем мы о себе за 450 лет, прошедшие со дня его явления на свет.

«Шекспировские страсти» сжимают мир в пространстве и времени. «Что он Гекубе? Что ему Гекуба? А он рыдает...» Культура объединяет людей и знанием ответа на этот вопрос, и актерскими слезами – буквально спасительными тогда, когда не все в зрительном зале отдадут себе отчет в том, по ком звонит колокол. Но только при условии, что люди воображают. Впрочем, если они не воображают, нет и культуры.

Воображение (образ воображения) – еще и особое знание. Это, в том числе, заставляет протянуть нить от воображения к *мыслению*, тем более что и в истории человечества, и в онтогенезе, и в функциогенезе мысль вырастает из фантазии.

Понимание вещей и взаимопонимание людей, «технические задания» и теоретические проблемы, фантазия и мысль

В развитой форме понимание вещей и взаимопонимание людей, обобщение и общение, истина и... друг – лишь проекции *одного и того же*, если смотреть на них с точки зрения культуры. В этом – суть культурно-исторического подхода к познанию.

Вспомним известный исторический случай «в статусе» легенды (хотя то, что стало легендой, – уже само по себе история. Вызывает – нет, скорее, приглашает – к себе почетного гражданина Сиракуз Архимеда Гиерон, сиракузский правитель и, если верить Плутарху¹², его родственник по отцовской линии. Царь просит помочь: мастер изготовил ему золотую корону, но что-то подсказывает: сжульничал, намешал серебра. На дворе III век до н. э. Таблицы удельных весов еще нет и в помине. А иначе зачем было бы звать Архимеда?

Решая вполне частную задачу, Архимед наталкивается на универсальную закономерность, открывает закон «плавающих тел». Дистанцией между тем и другим как раз и измеряется «креативный потенциал»¹³. И Архимед усмотрел в специальном «техническом задании» общую проблему, хотя его об этом никто не просил. Царю не нужен был закон – его волновал состав короны и то, насколько честны исполнители царских заказов (приказов). Но «технического задания» не выполнить «в обход закона». Об этом, кстати, не стоит забывать, обсуждая роль фундаментальной науки сегодня...

Воображение «глобализирует» и «расширяет» задачу, обеспечивая переход мысли от «технического задания» к теоретической

проблеме, проблематизацию единичного во всеобщем. Теоретическую проблему решает в форме достраивания этого всеобщего до понятия, конечно, мышление, но подводит мысль к понятийной грани именно воображение¹⁴.

Архимед решил задачу сразу для всех случаев, для всех времен и для всех народов. Вслед за В.В. Давыдовым¹⁵ это можно назвать «теоретическим отношением к действительности». Знание о силе выталкивания – из того одного букваря, по которому училось в школе все человечество. Язык понимания сути вещей и язык взаимопонимания людей, как уже говорилось, один и тот же. Кого-то знание математики разделяет, отделяя «посвященных» от не посвященных в «эзотерику» цифр. А кого-то, напротив, очень даже объединяет. Как сказал в одном из своих телевыступлений А.Г. Асмолов, бином Ньютона, он и в Африке – бином. Математика в качестве универсальной символической системы – такая же «школа общения», как и детская игра. И в обычной школе, по словам Асмолова, начинать преподавать ее нужно именно в этом качестве.

Школа упомянута неслучайно. В.В. Давыдов утверждал: для того чтобы тот или иной способ решения задачи приобрел для ребенка всеобщее значение, – т. е. оказался пригодным для решения не только данной задачи, но и целого их круга, – он должен стать общим для группы детей, которые вместе с ребенком (и педагогом!) бьются над этой задачей¹⁶. И тогда они уловят в нем ту простоту, за которой проступает его завершенность, совершенство и которая в итоге придает ему *общечеловеческий смысл*. «Бесспорную истинность». Которую, правда, в качестве *собственной правоты* приходится постоянно отстаивать в споре, в дискуссии, в диалоге. И В.В. Давыдов настаивал на том, что «теоретическое отношение к действительности» – вовсе не монополия науки. Он говорил о теоретическом сознании: научном, художественном, правовом, религиозном.

Кстати, и Плутарх весьма точно написал об Архимеде: попытайся кто-то самостоятельно решить те задачи, которые тот решил, он ни к чему бы не пришел, но познакомься он с решением Архимеда, то ему тотчас же показалось бы, что он и сам с ними бы справился¹⁷.

И все же «для всех случаев» – это прежде всего о науке. И о мышлении, которое в науке, по Э.В. Ильенкову, достигает профессиональной высоты в своем развитии.

«Для всех времен и народов» – это о культуре в целом.

Но в обоих «случаях» – о воображении. О воображении, которое способно схватить ситуацию «разом» и «многими глазами» (разум тоже схватывает «разом», но – уже многие ситуации). И тех, кто ее непосредственно видит, и тех, кто только мог бы стать ее сви-

детелем. Даже если среди таких потенциальных свидетелей – сам воображающий. По словам В. Набокова, гений – это негр, которому по ночам снится снег.

Воображение и самосознание

То, что Ф.М. Достоевский – «не мой» писатель, я осознал еще в школе. Позднее как будто бы понял почему. Потому, что не могу идентифицироваться ни с одним его героем. С Эдипом, да хоть с Розенкранцем – могу. Со всем составом персонажей Кафки – легко. С поручиком Кижее – пожалуйста (в каждом из нас сидит этот поручик). А с героями Достоевского – нет. Не хватает воображения.

Может быть, это и объясняет то, почему одного писателя (не только писателя) мы принимаем, понимаем и любим, а по поводу другого, если это уместно, говорим лишь, что «не отрицаем общепризнанного значения его творчества»? За один диалог Ивана с чертом «Братьев Карамазовых» можно считать великой книгой. Но я не нахожу в нем своего места... Это ощущение не покидает меня и сегодня. Однако оценка представляется «усеченной», что ли. Сказал «А», а «Б» не сказал. Сказать «Б» можно было бы «по Фрейду». Дескать, отторжение того, что есть в тебе. Вроде бы действительно получается все по Фрейду. Да не по Фрейду...

«Разгадку» Достоевского я давно знал, но не догадался «привязать» к своей оценке. Принадлежит эта простая и гениальная «разгадка» Михаилу Михайловичу Бахтину¹⁸. Дело в том, что, по Бахтину, у Достоевского нет героев, есть только их *самосознание*. Самосознание героев – его единственный герой. Живое, ходячее, действующее, чувствующее, спорящее, больное, умирающее, заново рождающееся (бывает, у одного персонажа по несколько раз). Язык текстов Достоевского – язык самосознания, и только на нем они могут быть прочитаны. А это трудно – одновременно читать и самосознавать. Это не проглатывать чужие рефлексии, а затем переваривать их. Это значит принять «проклятые вопросы» Достоевского как свои и... не получить ответа из текста. Ибо ответ – только за читателем. Недаром автор признается в письме Всеволоду Соловьеву (писателю, сыну историка Сергея Соловьева, старшему брату философа Владимира Соловьева): «Я никогда не позволял себе в моих писаниях довести *некоторые* мои убеждения до конца, сказать *самое последнее слово*»¹⁹. Сформулировать свой вопрос *всем* так, чтобы *каждый* в поисках ответа на него смог бы нащупать решение *своей* проблемы (а порой и впервые осознать ее), – в этом и коренится природа искусства в понимании Л.С. Выготского.

Достоевский – писатель-экспериментатор, писатель-игрок. Но это – жесткий эксперимент и жестокая игра с читательским самосознанием, которое втягивается в коллизии героев. Можно, конечно, отстраниться, захлопнуть книгу, сказав: мы вам – не кролики, не бирюльки какие-то... И в итоге впасть в доморощенную «достоевщину» – ведь «проблемы Достоевского» никуда не денутся, они будут грызть нас изнутри. Только мы не будем догадываться, что именно нас грызет.

Читать Достоевского не столько сложно, сколько трудно. Сложно – это когда ты продираешься к сути, чтобы вытащить смысл. А трудно – когда через тебя продираются и из тебя вытаскивают. Продираются к твоей сути и вытаскивают твой смысл. Это только по видимости можно назвать «психоанализом». Это – «обычная работа» развитого человеческого самосознания, в которой, помимо тебя, принимает участие масса людей. Включая Ф.М. Достоевского.

Канал, по которому они «подключаются» к этой «работе», – воображение человека-читателя, зрителя, слушателя, за которым всегда если не последнее, то следующее слово, следующая *реплика*.

В самом общем виде самосознание – это способность человека взглянуть на себя как на нечто обособленное, отдельное, единое и неделимое, индивидуальное глазами других людей, в пределе – всего человеческого рода. Трехлетний ребенок еще вчера собирал с помощью взрослого пирамидку. А теперь он отталкивает помощника, говорит: «Я сам», и пытается выполнить действие без его помощи. «Сам» здесь означает «сам себе помощник». Двое – взрослый и ребенок – теперь в одном – в ребенке. Если же учесть, что взрослый помогал малышу решать задачу, используя не просто свой индивидуальный опыт, а социально закрепленные способы ее решения (колечки на пирамидку нужно нанизывать с учетом размера и т. д., т. е. эталонных форм), то сейчас руками ребенка действует человечество. Хотя он об этом даже не подозревает.

В итоге при освоении и совершении любого действия ребенок так или иначе использует эту «общечеловеческую поддержку», даже без присутствия другого лица. В его внутреннем мире как бы живут два Я, которые И. Кант называл Я-эмпирическим («индивидуальным») и Я-теоретическим («родовым», «общечеловеческим»). Слова в скобках поставлены в кавычки, ибо они обозначают лишь условные абстракции. Даже у младенца мы не обнаружим «чистых» форм индивидуального опыта. Его опыт – это прежде всего содержание эмоционального общения с мамой, ежесекундно действующей, мыслящей и переживающей *по-человечески*. Эта высшая, всеобщая «человеческая» инстанция – основа самосознания – присутствует в человеческой психике изначально, хотя и

претерпевает потом длительный путь развития. Она может представлять в образе Партнера (содействие), Хозяина и Контролера – «царя в голове» (произвольность), Вдохновителя (эмоциональная поддержка), Собеседника (внутренняя речь), Единомышленника или Оппонента (рефлексия), Высшего Судьи (совесть), Соавтора (творчество) и др.

В силу этого сознанию человека индивидуальный смысл и общественное значение любого его действия открывается как нечто единое, нечто целое, и человек не испытывает необходимости каждый раз заново сверять одно с другим. А там, где между ними обнаруживается расхождение – например, в случае возникновения сложных нравственных проблем, – он находит адекватный способ его преодоления. Иногда для этого приходится идти на самопожертвование: пить цикуту (как Сократ) или делать харакири (как самурай).

В фокусе самосознания «индивидуальное» и «общественное» связаны под углом достижения определенной цели и выступают «органами» личности. Это отличает самосознание от патологического раздвоения личности на две «индивидуальности», одна из которых неподконтрольна другой и порой даже не ведает, что «творит» другая. Раскольниковский вопрос «Тварь ль я дрожащая, или право имею?» лишь по видимости задан на языке самосознания. Загнанная в угол «тварь» и неограниченное право, которым и воспользовался Раскольников, – «соединение несоединимого» – как раз и характеризуют его патологическую натуру, болезненно «соединившую» в себе то и другое.

На каком этапе человеческой истории возникает самосознание? Этот вопрос до сих пор остается дискуссионным. Для того чтобы осознать себя выделенным из мира и одновременно его частью, нужно как минимум реально выделиться из него и как-то по-особому «проявить» себя этой частью. Вероятно, собирательство, да и земледелие на первых порах такой возможности не предоставляли. Все члены первобытного племени выполняли одни и те же функции. Так, Н.Н. Миклухо-Маклай²⁰ свидетельствовал о том, что члены одного из архаических племен, населяющих берег Новой Гвинеи, обрабатывают землю следующим способом. Мужчины, выстроившись в цепочку, выворачивают палками слой земли. За ними следует цепочка женщин, которые разрезают его на более мелкие куски. И, наконец, завершают работу дети, размельчая землю до крошечных кусочков, делая это даже пальцами. Этот образ настолько типичен, что закрепился даже в произведениях фольклора. В качестве примера можно вспомнить русскую народную сказку «Репка». Ее персонажи чем-то напоминают новогвинейских

земледельцев: «Внучка за бабу, бабка за дедку, дедка за репку...». Даже кошка, Жучка и мышка помогали людям на правах «младших» партнеров по труду. Простейшее возрастно-половое разделение труда, как бы мы сказали сегодня. Тут не до обособления.

Конечно, были вожди и шаманы, которые так или иначе *управляли* трудовым процессом (вожди – реально, шаманы – в форме «магической репетиции»), существовал также круг посвященных лиц, допущенный к подобному управлению и т. д. Все эти люди, по определению, должны были отнестись к процессу и его исполнителям как бы «со стороны», т. е. занять по отношению к ним определенную *позицию* – наблюдателя, организатора, координатора, «эксперта» и др. Ф. Энгельс однажды обронил фразу о том, что первой формой умственного труда являлся управленческий труд²¹. (С этим, кстати, не очень сочетаются обвинения Маркса капиталистов в «паразитизме» – ведь любой сколь-нибудь эффективный рынок немислим без качественного менеджмента). Да, первыми «тружениками умственного труда» стали именно управленцы. И именно управленческий труд привнес в общий трудовой процесс функцию самосознания. Ибо управление – это планирование, распределение функций, координация и оценка эффективности индивидуальных действий внутри единого целого. Чем сложнее организовано это целое – коллективный труд, – тем больше необходимости в управлении им, а значит, в «самосознании» все его содержания. Модель «Репки» в данном случае окажется не очень информативной. Сложная организация труда предполагает его «многопозиционность», которая может быть обеспечена его специфическим разделением и разветвлением на основе распределения функций среди участников трудового процесса. Это объективное условие для проявления ими своих индивидуальных (а не только возрастно-половых) особенностей в коллективно-распределенной деятельности.

При этом условии функция «самосознания» уже перестает быть монополией вождей, шаманов и посвященных. Сталкиваясь с фактами разнообразия индивидуальных проявлений других, человек впервые приоткрывает для себя и собственную «особенность». Это наблюдается и в онтогенезе. Как известно, дети двух-трехлетнего возраста склонны быстрее видеть чужие ошибки и лишь потом – свои. Не потому, что они еще не критичны (порой – обостренно критичны!) или же им присущ исключительно внешний locus контроля. Просто их «внутренний план» пока вынесен вовне: себя и свои ошибки они «узнают» в сверстниках и их действиях. В известных экспериментах А.В. Запорожца было показано, что в основе самоконтроля при выполнении собственных движений,

действий такими маленькими детьми лежит не сам по себе внешний контроль со стороны взрослого, а еще и опыт контролирования ребенком того, как эти же движения выполняются другими детьми (все – по Выготскому!).

Это относится не только к малышам. Приведу пример из собственной психологической практики. Мне довелось консультировать первоклассника, способного и сообразительного мальчика, при этом типичного холерика – оперативно реагирующего на ситуацию, скорого на руку, порывистого, вмиг захватываемого любым делом, но неуравновешенного, подверженного резким спадам настроений, «плохо управляемого». Проблема состояла в том, что при выполнении заданий, над которыми нужно было работать более пяти минут, у мальчика полностью исчезал интерес, начисто пропадали былая «одержимость» и целеустремленность. Тогда я предложил его маме посоревноваться с ним в выполнении заданий на время. Разумеется, при этом задания нужно было выполнять не только быстро, но правильно и аккуратно. Вначале это были простенькие задачи, при решении которых выдержать эти условия оказывалось совсем не сложно. А затем характер заданий постепенно начинал усложняться по содержанию – почти незаметно для самого мальчика. Поначалу мама в некоторых случаях поддавалась. Более того, она имитировала затруднения и обращалась за помощью к сыну в тот момент, когда он решал свою задачу. Ребенок (весьма отзывчивый) в рамках отведенного ему времени был вынужден работать «за двоих». Смотря на ситуацию «двумя парами глаз» через «третий» – охватывая ее *взором воображения*. В итоге к нему вернулась целеустремленность, а эмоциональную привлекательность для него приобрели трудоемкие задачи, которые он со временем стал решать быстрее, чем его сверстники. А главное – он не нуждался в контроле со стороны, его произвольное поведение было сформировано.

Условно момент возникновения самосознания в истории человечества можно представить себе так. Два «рядовых» члена племени выполняют две разные, но скоординированные функции. Скажем, один собирает бамбук, а другой делает из него копья. Допустим, первый по каким-либо причинам выполняет свою работу не очень добросовестно, поставляя для обработки гнилые или высохшие стебли. Второй «высказывает» по этому поводу недовольство (элементарное «управленческое» действие, поскольку оно фиксирует факт нескоординированности исполнительных действий двух человек). Что не может не удивить первого, так как он привык подчиняться контролю лишь со стороны «штатных» управленцев. Вся его экспрессия вопрошает: «*А ты – кто?*». И тут уже настает черед озадачиться второму: «*Я?*».

Требуется ответная – следующая, а, по большому счету, первая, по-настоящему человеческая реплика, произнесенная на языке самосознания. Овладеть этим языком можно лишь с помощью воображения.

Примечания

- ¹ *Ильенков Э.В.* Философия и культура. М., 1991.
- ² *Давыдов В.В.* Лекции по общей психологии. М., 2005.
- ³ *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения. М., 1996. С. 274.
- ⁴ *Кудрявцев В.* Ложка – это целая культура! // Обруч: образование, ребенок, ученик. 2013. № 2. С. 28–29.
- ⁵ См. подробнее: *Кудрявцев В.Т.* Секрет Пушкина и тайна души человеческой (к 225-летию со дня рождения) // Известия Южного федерального университета. 2014. № 7. С. 21–25.
- ⁶ *Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание и самосознание индивида. М., 1990.
- ⁷ *Курганов С.Ю.* Ребенок и взрослый в учебном диалоге. М., 1989.
- ⁸ Примерная основная общеобразовательная программа дошкольного образования «Тропинки» / Под ред. В.Т. Кудрявцева. М., 2015.
- ⁹ *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3.
- ¹⁰ *Выготский Л.С.* Психология искусства. 2-е изд. М., 1986.
- ¹¹ *Айхенвальд Ю.И.* Отрицание театра. М., 1914.
- ¹² *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1994.
- ¹³ *Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М., 2002; *Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е.* Одаренность: природа и диагностика. М., 2013.
- ¹⁴ *Кудрявцев В.Т.* Воображение ребенка: природа и развитие // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 5, 6; *Давыдов В.В., Кудрявцев В.Т.* Развивающее образование: теоретические основания преемственности дошкольной и начальной школьной ступени // Вопросы психологии. 1997. № 1.
- ¹⁵ *Давыдов В.В.* Теория развивающего обучения.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Плутарх.* Указ. соч. М., 1994. С. 97.
- ¹⁸ *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. М., 1929; *Он же.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- ¹⁹ *Соловьев В.С.* Воспоминания о Достоевском. URL: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/bio/solovev-vospominaniya-o-dostoevskom.htm> (дата обращения: 27.03.2015).
- ²⁰ *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1951. Т. 3. Ч. 1.
- ²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.: В 50 т. М., 1961. Т. 20. С. 350.